

КУЛЬТУРА ПРИХОДСКОЙ ЖИЗНИ ЦЕРКВИ БОЛЬШОЕ ВОЗНЕСЕНИЕ **Исторический обзор**

О. Ю. Робинов

В исторической части Москвы у границы Белого города возле площади Никитских ворот, где почти сходятся трассы Большой и Малой Никитских улиц, расположено здание одной из самых известных московских церквей — Вознесения Господня, что в Сторожах, у Никитских ворот. Москвичам церковь больше известна как Большое Вознесение, в отличие от Малого Вознесения — церкви, находящейся напротив здания консерватории им. П. И. Чайковского также на Большой Никитской улице. В названии церкви отражена местная топонимика: здесь находилась сторожевая слобода, жители которой — сторожа (а не караульные) — обязаны были охранять здания московских приказов. Дворы приказных сторожей упоминаются в местных документах ещё в 1711 г.¹ Улица Большая Никитская получила своё название по находившемуся у её начала Никитскому женскому монастырю, основанному в 1582 г. боярином Никитой Юрьевым, дедом царя Михаила Фёдоровича Романова. Москвичи всегда относились к монастырю с благоговейным почитанием «по его древности и особому значению»². В месте пересечения улицей границы крепости Белого города (XVI в.) через проездные Никитские ворота, после сноса крепостных стен в конце XVIII — начале XIX вв., образовалась площадь Никитские ворота. Следующая затем до Садового кольца трасса Большой Никитской в разные времена называлась по-разному: Царицынской, по двору царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной, находившемся в Столовом переулке, и Вознесенской — по церкви Вознесения³.

Церковь Вознесения Господня в Сторожах изначально была тесно связана с историей России, с царской династией Романовых, с именами выдающихся деятелей государства, представителей русской культуры и искусства.

История её основания восходит к XVII в., когда в 1619 г. была построена первая на этом месте деревянная церковь⁴. Первое известие о ней записано в Ладанной книге⁵, и так как церковь не получала ругу⁶, то, значит, основана она была при первых Романовых и её история на этом месте не простирается ранее 1619 г. Эта церковь сгорела в 1629 г. Затем, очевидно, было построено новое деревянное здание, так как первое каменное упоминается только в 1670 г.⁷ Видимо, это здание также пострадало во время пожара, и в 1685–1689 гг. по указанию царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной, супруги царя Алексея Михайловича, матери императора Петра I, была построена новая церковь с шатровой колокольней, простоявшая до 1831 г. Разнообразные строения вокруг заново отстроенного храма занимали служители и челядь находившегося неподалёку двора царицы — люди

«царицина чина». Как выглядела церковь, мы не знаем, но из документов известно, что она была пятиглавой и имела два придела: во имя Владимирской иконы Божией Матери и во имя Николая Чудотворца. Церковь находилась на месте современного скверика, а памятник А. Н. Толстому установлен на месте её колокольни. Красивая колокольня, упоминавшаяся в древних актах как «хорошая колокольница», была построена в 1685 г. и сохранилась, несмотря на строительство нового здания в начале XIX в. Она была разобрана только в 1937 г.⁸

В начале XVIII столетия приход церкви Вознесения Господня состоял из дворов, располагавшихся по Большой Никитской, Малой Никитской, в начале Спиридоньевской улицы и в Гранатном переулке. Как свидетельствуют документы Центрального исторического архива г. Москвы, здесь в основном жили многочисленные дворцовые служители, подьячие, дьяки. Но среди прихожан упоминаются и представители московской знати, старинные московские дворяне, а также клирики московских кремлёвских соборов. Приход Вознесенской церкви был довольно значительным, и причт храма состоял из священника, диакона и двух причетников. В 1725 г. при церкви Вознесения Господня, что на Царицыной улице, на средства прихода была организована богадельня для вдов и девиц на 52 человека. Она упоминается в документах⁹. Деревянное здание приходской богадельни показано на плане домовладения 1759 г. со стороны Малой Никитской улицы.

Среди знатных прихожан церкви Вознесения Господня в документах начала XVIII в. упоминается князь Фёдор Юрьевич Ромодановский (ок. 1640–1717), происходивший из древнего рода князей Стародубских, ведущих свою родословную от Рюрика. Князь пользовался полным доверием Петра I и получил от него титул «Его Величества князя-кесаря». На него Пётр I оставлял дела в Москве и в государстве во время своего отсутствия.

В приходе Вознесенского храма в первой половине XVIII в. числились стольники Алексей Иванович Гундоров, Семён Иванович Дурново, Лука Богданович Каблуков, Семён и Григорий Борисовичи Львовы, Григорий Григорьевич Неелов, Иван Иванович Щепотьев, Василий Никитич Тараканов, Иван Андреевич Поливанов, Родион Дмитриевич Сабуров, Михаил Воинов и Иван Акинфов. По росписи чинов XVII в. стольники занимали пятое место после бояр, окольничих, думных дворян и думных дьяков. В стольники производили только из дворян. В 1719 г. среди прихожан Вознесенского храма упоминалась семья известного государственного деятеля Петровской эпохи, выдающегося дипломата, барона, вице-канцлера, вице-президента Коллегии иностранных дел Петра Павловича Шафирова (1669–1739). Примерно в это же время в границах Вознесенского прихода приобрёл дом губернатор Сибири, будущий кабинет-министр и канцлер, князь Алексей Михайлович Черкасский (1680–1742), имевший репутацию честного и неподкупного государственного деятеля.

В приходе церкви Вознесения Господня имел своё владение — городскую усадьбу с обширными службами и садом — Василий Иванович Суворов (1709–1775) — бывший ординарец Петра I, генерал-аншеф и сенатор, отец выдающегося русского полководца Александра Васильевича Суворова. Эта земля досталась

В. И. Суворову от сестры, вдовы Натальи Григорьевны Самсоновой. Известно, что собственный двор с каменным двухэтажным домом у Никитских ворот Василий Иванович купил в 1768 г. Это была городская усадьба с обширными службами и садом. В доме помещалась главная контора по управлению имениями Суворовых.

В числе владельцев земли в приходе упоминаются князья Голицыны, Гагарины, Долгорукие¹⁰, а в 1770-е годы — подполковник Леонтий Иванович Магницкий — внук выдающегося русского математика Петровского времени Леонтия Филипповича Магницкого¹¹. Как свидетельствуют документы, его мать — вдова подпоручика Ивана Леонтиевича Магницкого, сына Леонтия Филипповича, Анастасия Васильевна сделала значительные вклады в Вознесенский храм, в том числе на её средства был выполнен новый иконостас в Никольском приделе¹². Большую часть жителей Вознесенского прихода во второй половине XVIII в. составляли приказные и чиновные люди.

В 1771 г. Москву посетило страшное бедствие — эпидемия чумы, которая унесла множество жизней. По преданию, москвичи обращались за помощью и с просьбами об исцелении от этой болезни к почитаемой в Москве Боголюбской иконе Божией Матери, написанной в XII в. во Владимире при князе Андрее Боголюбском. Список с этой иконы помещался в киоте над Варварскими воротами Китай-города, а рядом была устроена часовня. Во время эпидемии чумы здесь собирались москвичи, служили молебны. Известно, что ещё один чудотворный список с Боголюбской иконы находился в местном ярусе главного иконостаса церкви Вознесения. В 1777 г. прихожане храма в благодарность за исцеления во время эпидемии украсили этот образ серебряной вызолоченной ризой с убрусом, отделанным жемчугом¹³.

Тот же источник сообщает, что в 1770-е годы значительные вклады в Вознесенский храм были сделаны прихожанкой вдовой полковника Александра Васильевича Потёмкина Дарьей Васильевной Потёмкиной. В том числе ей был сделан вклад — образ Успения Божией Матери с вложенными частицами мощей разных святых. Двор Потёмкиных числился в приходе церкви Вознесения Господня ещё с конца 1740-х годов. По документам 1755 г. Дарья Васильевна проживала здесь с детьми Григорием, Надеждой и Дарьей. К 1774 г. семья Потёмкиных значительно увеличила свои владения за счёт приобретения соседних участков. К этому времени Григорий Александрович Потёмкин (1739–1791) уже был известен как один из виднейших русских государственных деятелей, генерал-адъютант, член государственного совета, фаворит императрицы Екатерины II, по отзывам иностранных послов — «самое влиятельное лицо в России». В приходе церкви Вознесения Господня в бывшем владении Орловых, на территории Гранатного двора располагалась канцелярия лейб-гвардии Преображенского полка, подполковником которого являлся князь Потёмкин.

С именем Светлейшего князя Григория Александровича связано строительство нового здания церкви. В 1790-е годы вместо частичных ремонтных работ в обветшавшем храме князь задумал возведение нового обширного каменного здания церкви. Новая церковь предназначалась для чинов лейб-гвардии Преображенского полка, полковником которого являлась сама императрица Екатерина II.

В связи с этим значительно менялся статус храма — церковь предполагали именовать собором лейб-гвардии Преображенского полка, «дабы в оной, во время прибытия Ее Императорского Величества, полковую чинить присягу, венчать браки, исповедовать и святых тайн приобщать»¹⁴.

К проектированию был привлечён архитектор В. И. Баженов, им даже была сделана модель будущего храма¹⁵, но фундамент старой церкви оказался недостаточно крепким, и решено было строить новую церковь на соседнем участке, для чего князь отдал земли принадлежавшего ему двора рядом со старой церковью. На это Потёмкиным было испрошено благословение московского митрополита Платона (Лёвшина). Однако осуществить проект помешала неожиданная смерть князя Потёмкина от лихорадки в 1791 г.

После его кончины работы были продолжены родственниками, поручившими строительство архитектору М. Ф. Казакову, и в 1798 г. была заложена трапезная с двумя приделами: Сретения Владимирской иконы Богоматери и Николая Чудотворца¹⁶. К 1805 г. трапезную закончили и начали внутреннюю отделку, но основное здание не было завершено до начала Отечественной войны 1812 г.: успели сделать фундаменты, сложить цоколь с базами и частью колонн¹⁷. Планировка храма на этом этапе была близка к современной, но объёмное решение и обработка фасадов, вероятно, сильно отличались. По архивным данным, иконостас Никольского придела успели закончить до 1812 г., и в нём находились иконы святых, небесных покровителей Г. А. Потёмкина и настоятеля храма Антипы Матвеева¹⁸.

После войны к продолжению строительства нового здания церкви вернулись лишь через тридцать лет. Тогда существенно изменился приход древнего Вознесенского храма, большинство дворов которого было уничтожено московским пожаром 1812 г. Ко времени окончания постройки новой Вознесенской церкви представители только двух фамилий прежних прихожан — Безсоновых и Озеровых — сохранили свои владения на Большой и Малой Никитских улицах. Двор Потёмкиных с деревянной усадьбой перешёл в собственность церкви. Двор графов Суворовых-Рымникских на Малой Никитской, около приходской богадельни, после кончины вдовы генералиссимуса графа А. В. Суворова-Рымникого Варвары Ивановны в 1809 г. продали коллежскому советнику Н. А. Янишу, а затем Свербеевым¹⁹.

Всего в приходе Вознесенского храма в конце XVIII столетия числились 32 двора с населением 313 человек мужчин и 289 женщин²⁰.

В 1820-х годах в Москве шло интенсивное строительство после пожара 1812 г., и московский военный генерал-губернатор, князь Д. В. Голицын предложил продолжить строительство незаконченной Вознесенской церкви. А. Я. Булгаков, знаток московских происшествий, писал брату в Петербург: «...велено окончить церковь Большого Вознесения, что у Никитских ворот. Тут был дом князя Потемкина; он оставил сумму на построение этой церкви по плану, также им начертанному, с тем, чтобы наследники его все это исполнили... Государь приказал волю покойного выполнить, церковь кончить и наследников понудить взнести всякому, что следовать будет... Я, чаю, Браницкой, Литше, всем Голицыным, Высоцкому придется развязывать кошельки»²¹.

От «Комиссии для строений в Москве» для осмотра церкви Вознесения Господня был направлен архитектор Ф. М. Шестаков, который 27 октября 1825 г. представил результаты осмотра и составил основной проект. В 1827 г. церковный староста и причт подали в Московскую духовную консисторию прошение о разрешении строительства. Однако не все технические вопросы, связанные с фундаментом, были выяснены, к тому же князь Д. В. Голицын высказал пожелание, чтобы новое здание Вознесенской церкви было построено «на манер» Петербургской Преображенской церкви. Для выяснения этой возможности и разрешения всех сомнений в 1830 г. вновь для осмотра здания был послан архитектор О. И. Бове. Тщательно осмотрев здание, Бове составил рапорт, в котором отметил невозможность строительства на уже выполненном фундаменте здания, аналогичного Петербургской Преображенской церкви. Для этого необходимо было сломать всё уже построенное и возводить здание заново. Но церковный староста, как писал Бове, «объявил», что «прихожане желают церковь свою оставить без сломки»²². О. И. Бове оставил проект Шестакова без изменений, дополнив его мощными четырёхколонными портиками на северном и южном фасадах. Здание получило более величественный силуэт, имеющий некоторое сходство с Преображенским собором в Санкт-Петербурге, который в то же самое время перестраивался по проекту В. П. Стасова²³.

Проект был окончательно утверждён генерал-губернатором в конце 1831 г.²⁴ Тогда же была разобрана старая церковь, стоявшая рядом с новой. Кроме двух первоначальных приделов в трапезной были спроектированы ещё два придела у главного алтаря: во имя Иконы Богоматери Всех Скорбящих Радость и во имя Усекновения главы Иоанна Предтечи. Строительство нового здания завершилось в 1848 г., уже после смерти архитектора Шестакова²⁵.

Архитектура церкви Большое Вознесение является одним из великолепных примеров позднего московского ампира, что позволяет исследователям приписывать постройку одному из ведущих архитекторов Москвы этого времени — А. Г. Григорьеву или Е. Д. Тюрину. На сохранившихся чертежах проектов храма есть подписи архитекторов Ф. М. Шестакова, Н. И. Козловского и А. Г. Григорьева²⁶.

По сведениям клировой ведомости, постройка нового здания церкви Вознесения была окончена в 1840 г. Долгое время шла внутренняя отделка храма, декоративное оформление и росписи были выполнены художниками-монументалистами итальянской академической школы. Главный и оба придельных иконостаса были выполнены в 1840-х годах по проектам архитектора М. Д. Быковского. К 1848 г. работы были закончены, и 19 сентября состоялось освящение храма митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым). Митрополит впоследствии не раз служил в Большом Вознесении. Именно с этого времени такое название окончательно закрепилось за храмом²⁷.

В 1837 г. архитектор А. И. Старов составил план окружающей церковь местности, а в 1889 г. архитектор Н. В. Никитин спроектировал ограду²⁸.

Церковь Вознесения Господня, что в «Сторожах» у Никитских ворот, памятна также тем, что 18 февраля 1831 г. в ещё недостроенном здании состоялось венчание Александра Сергеевича Пушкина и Натальи Николаевны Гончаровой. По предполо-

жению историков, венчание происходило в уже законченной к тому времени и освящённой части здания. Известно, что в самом начале 1831 г. состоялось перенесение антиминса из старой церкви в новую. Возможно, это был Никольский придел трапезной, который был завершён ещё до 1812 г. В метрической книге Большого Вознесения был записан факт бракосочетания: «...брак совершали: протоиерей Иосиф Михайлов, диакон Георгий Стефанов, дьячок Фёдор Семёнов, пономарь Андрей Антонов»²⁹.

Первоначально А. С. Пушкин хотел, чтобы его бракосочетание с Н. Н. Гончаровой произошло в небольшой домовый церкви в доме князя С. М. Голицына, но московский митрополит Филарет (Дроздов) настоял на том, чтобы венчание было совершено в церкви Вознесения Господня у Никитских ворот, в приходе которой жили невеста и её родители. Двор Гончаровых находился неподалёку (Большая Никитская, 50), и Большое Вознесение было приходской церковью этого семейства.

Пушкин увидел в этом промыслительный знак, ведь день рождения поэта был, как известно, в день Вознесения Господня. «Обстоятельство это он не приписывал одной лишь случайности, — писал П. В. Анненков, первый биограф Пушкина. — Важнейшие события его жизни, по собственному его признанию, все совпадали с днем Вознесения».

Большое Вознесение стало одним из самых любимых храмов москвичей. Его особенностью была необыкновенная акустика, а также удивительная воздушная среда. Здесь всегда легко дышалось, зимой было тепло, а летом — прохладно. Храм часто посещали артисты Императорского Малого театра, и в 1863 г. именно в Большом Вознесении отпевали великого актера М. С. Щепкина, друга А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. Н. Островского.

Традиция посещения храма московской интеллигенцией продолжилась, несмотря на отделение церкви от государства после 1917 г. В 1920 г. в Большом Вознесении происходило венчание дочери Ф. И. Шаляпина, а сам великий певец читал здесь Апостол и пел на венчании. В 1923 г. в Большом Вознесении отпевали архидиакона Константина Розова, а в феврале 1928 г. архиепископ Трифон (Туркестанов) отпевал здесь великую трагическую актрису Марию Николаевну Ермолову, которой в 1920 г. первой было присуждено звание Народная артистка Советской Республики.

В XX в. храм Большое Вознесение по-прежнему находился в центре исторических событий. 28 октября 1917 г. сторонники Военно-революционного комитета большевиков начали бои по всему городу. Юнкера Александровского военного училища, находившегося недалеко на Арбате, организовали пункт сопротивления в доме Гагарина у Никитских ворот. Установленные с обеих сторон пулемёты шквальным огнём обстреливали и Тверской бульвар, и окружающие улицы. В разбитых артиллерией и горящих домах оставались люди. Выйти из-под обстрела можно было только в первый день боёв, потом стреляли по каждому показавшемуся на улице человеку³⁰. К. Г. Паустовский, живший в это время в доме на углу Тверского бульвара и Большой Никитской, писал в своих воспоминаниях «Начало неведомого века» об этих событиях: когда кончился бой у Никитских ворот, на следующее

утро «мы осторожно вышли на Тверской бульвар. В серой изморози в дыму стояли липы с перебитыми ветками. Вдоль бульвара до самого памятника Пушкину пылали траурные факелы разбитых газовых фонарей. Весь бульвар был густо опутан порванными проводами»³¹. Погибших в боях юнкеров хоронили 13 ноября, отпевание совершали в храме Большое Вознесение у Никитских ворот. Их пришли проводить тысячи москвичей, храм был переполнен, на прилегающих улицах и на Тверском бульваре из-за скопления народа остановилось трамвайное движение. Литургию служил архиепископ Дмитровский Иоасаф, пели Архангельский, Синодальный и студенческий хоры³². Митрополит Евлогий (Георгиевский) вспоминал «тяжелую картину этого отпевания. Рядом стоят открытые гробы... Весь храм заставлен ими, только в середине — проход. А в гробах покоятся, словно срезанные цветы, — молодые, красивые, только что расцветающие жизни: юнкера, студенты... У дорогих останков толпятся матери, сестры, невесты... много венков, много цветов... Невиданная, трагическая картина»³³.

После отпевания траурная процессия прошла вдоль Тверского бульвара к Страстной площади, а затем по Тверской улице до Всехсвятского кладбища. Здесь в 1915 г. по инициативе Великой княгини Елисаветы Феодоровны было основано Братское кладбище. На нём похоронили около 18 тысяч солдат, офицеров, врачей, сестёр милосердия и лётчиков, погибших в Первую мировую войну. Вместе с этими героями были похоронены и юнкера. По воспоминаниям старожилов, у алтарей церкви Вознесения Господня в 1917 г. также «похоронили множество юнкеров, сопротивлявшихся до последнего у сгоревшего при этом дома близ Никитских ворот»³⁴.

В дни октябрьской смуты после почти 200-летнего перерыва было восстановлено Патриаршество на Руси. 5 ноября 1917 г. Поместный Собор Русской Православной Церкви в Москве призвал митрополита Тихона (Белавина) на Патриаршество. Обращаясь к собору, владыка Тихон сказал: «Ваша весть об избрании меня в Патриархи является для меня свитком, на котором было написано: “Плач, и стон, и горе”, и каковой свиток был должен съесть пророк Иезекииль. Сколько и мне придётся глотать слёз и испускать стонов в предстоящем мне патриаршем служении и особенно в настоящую тяжёлую годину!»³⁵

В воскресенье пятой недели Великого поста, 5 апреля, несмотря на болезнь, Святейший Патриарх выехал из больницы на Остоженке служить литургию в храме Вознесения Господня. Это была его последняя литургия.

В праздник Благовещения, 7 апреля в 23 часа 45 минут Патриарх Тихон скончался. Пророчески прозвучали последние сказанные им слова: «Теперь я усну... крепко и надолго... ночь будет тёмная и длинная...»

К 1931 г. храм был закрыт, шатровую колокольню снесли в 1937 г., и на её месте разбит сквер. Всё церковное убранство было уничтожено, а иконы сожжены перед храмом. Здание, над строительством которого работали лучшие архитекторы Москвы, было перестроено. При устройстве второго этажа были пробиты дополнительные окна, и для этого разобраны фронтоны портиков; уничтожена также наружная лестница у северного портика. Оформление интерьеров полностью утрачено.

В помещении самого храма сначала располагались склады, а потом научные учреждения, лаборатории по изучению высоковольтных газовых разрядов и молнезащиты Энергетического института им. Г. М. Кржижановского (ГНИИ энергетики) Министерства энергетики и электрификации СССР³⁶. Проводимые в здании церкви опыты с высоковольтными разрядами расшатывали фундамент, для их установки были пробиты огромные отверстия в каменном полу.

В 1980-е годы было принято решение освободить здание и превратить храм в концертный зал, так как он обладает великолепной акустикой. Об этом вспоминал выдающийся скрипач и дирижёр С. Р. Сапожников: «Я в те годы тоже был увлечён не богоугодной, но казавшейся важной идеей переоборудовать в концертный зал церковь Большое Вознесение, что у Никитских ворот. В церкви издавна угнездилась лаборатория высоких энергий Института им. Кржижановского. Зрелище было inferнальное. Под куполом на стояках, как головы беседующих инопланетян, торчали два огромных медных шара. Из одного в другой с грохотом перескакивали молнии.

Как-то раз я собрал специальную комиссию с целью выселить из церкви лабораторию, создать здесь концертный зал. От Союза композиторов были К. С. Хачатурян, Б. А. Чайковский и я со скрипкой. От Отдела охраны памятников культуры и архитектуры — крупный чиновник А. А. Савин и прелестная, нарядная, стройная и изящная инспекторша Раиса Александровна Попова, завладевшая вниманием впечатлительных композиторов и музыкантов. Я играл сверху с хоров на скрипке *Размышление* Чайковского Петра. Чайковский Борис и Карен Хачатурян внизу определяли акустику и реверберацию. В результате этих богопротивных занятий был вынесен вердикт: “годится”.

Вскользь я рассказал Свиридову об этом походе.

— Всё церковное имущество, в том числе и сами храмы, надо отдать верующим, — сказал он просто, строго, без пафоса.

Это произвело на меня огромное впечатление. Тогда это была дикая, антисовковая мысль, однако хлопоты свои я прекратил. Всего, что мы к тому времени понаписали в разные инстанции, уже хватило на то, чтобы медные шары из церкви вынесли. По инерции некто по фамилии Советов, назначенный директором будущего концертного зала (идея проросла-таки!), как петух с отрубленной головой, носился, организуя концерты камерной и хоровой музыки, но к этому времени уже сформировалась церковная община, и дни “советской” власти были сочтены. Церковь стала снова церковью»³⁷.

По решению исполкома Моссовета от 6 августа 1986 г. ГлавАПУ Москвы было поручено подготовить в 1987 г. проектно-сметную документацию здания и приспособление его под концертный зал, а Главному управлению культуры совместно с Москонцертом составить план совместной работы. Предполагалось, что реставрация будет проведена в 1988–1989 гг. 31 декабря 1986 г. исполком Моссовета принял решение о создании с 1 января 1987 г. на базе памятника государственного концертно-выставочного зала.

Исследование памятника проводилось с апреля 1988 г. коллективом реставраторов мастерской № 13 «Моспроекта – 2» под руководством главного архитектора

проектов И. Гусева. Эскизный проект реставрации и приспособления памятника обсуждался на заседании реставрационно-методического совета Управления государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры Москвы под председательством начальника управления А. А. Савина. Реставраторы отказались идти на компромисс и переделывать храм под концертный зал, их мнение было следующим: «...если возможна полная реставрация здания бывшей церкви Большого Вознесения, то она необходима»³⁸. Было решено, что церковь Большое Вознесение является значительным памятником отечественной истории, культуры, архитектуры, а значит, заслуживает бережного к себе отношения, то есть реставрации в полном объеме и без всяких переделок. Храм спасло также то, что в нём венчался Александр Сергеевич Пушкин.

Реставрация и демонтаж оборудования лаборатории шли очень тяжело: огромные шары весом в десятки тонн были вбиты прямо в стены. Но к 1990 г. она была закончена, и новый Моссовет вернул храм Русской Православной Церкви. 23 сентября 1990 г. в День города из Успенского собора Московского Кремля к храму Вознесения Господня был совершён первый за годы советской власти Крёстный ход, возглавляемый Святейшим патриархом Московским и всея Руси Алексием II. Это было ключевое событие в жизни вновь складывавшегося прихода церкви Большое Вознесение. С этого момента началось подлинное возрождение храма и его новая приходская жизнь.

¹ История московских районов: энциклопедия. Под редакцией К. А. Аверьянова. М.: Астрель АКТ, 2005. С. 54.

² Муравьев В. Б. Московские улицы. Секреты переименований. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. С. 212.

³ Имена московских улиц: Путеводитель. 5-е изд. М.: Моск. рабочий, 1988. С. 99.

⁴ Рукопись Александровского. № 306. Цит. по: Сорок Сороков: Краткая иллюстрированная история всех московских храмов: В 4 т. Т. 2. Москва в границах Садового кольца /Авт.-сост. П. Г. Паламарчук. 3-е изд., испр. и доп. М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 365.

⁵ «Ладанные книги» — книги, в которые вписывались расходы на ладан и облачение, отпускаемые из казенного приказа в разные московские и иногородние церкви, а также к государю и царице.

⁶ Руга — в Русском государстве IX–XVI вв. государственное жалованье духовенству, выдававшееся хлебом, иногда деньгами.

⁷ Сорок Сороков. С. 365.

⁸ Там же. С. 365, 367.

⁹ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 107–1745 г.

¹⁰ Сведения о приходе церкви Вознесения Господня в XVIII столетии взяты из публикации: Вайнтрауб Л. Р. Приход церкви Вознесения Господня, что на Царицыной улице, за Никитскими воротами 1700–1800 гг. (из архивных материалов храма Большое Вознесение).

¹¹ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 417. Исповедные ведомости церковей Никитского сорока 1772.

¹² ЦИАМ. Ф. 2124. Оп. 1. Д. 1717. Л. 10, 10 об.

¹³ Там же.

¹⁴ Русский архив. 1882. № 3. С. 93–94.

-
- ¹⁵ Романюк С. К. В поисках пушкинской Москвы. М.: Профиздат, 2000. С. 211.
- ¹⁶ Федосюк Ю. Лучи от Кремля. М., 1978. С. 105.
- ¹⁷ Романюк С. К. В поисках пушкинской Москвы. С. 211.
- ¹⁸ Сорок Сороков. С. 365.
- ¹⁹ Вайнтрауб Л. Р. Указ. соч.
- ²⁰ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 588. Л. 132.
- ²¹ Романюк С. К. В поисках пушкинской Москвы. С. 214.
- ²² Там же.
- ²³ Памятники архитектуры Москвы. Земляной город. М.: Искусство, 1989. С. 140.
- ²⁴ Романюк С. К. В поисках пушкинской Москвы. С. 214.
- ²⁵ Памятники архитектуры Москвы. С. 140.
- ²⁶ Сорок Сороков. С. 365.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Романюк С. К. В поисках пушкинской Москвы. С. 216.
- ²⁹ Там же. С. 217.
- ³⁰ Муравьев В. Б. Тверской бульвар. М.: Классика плюс, 1996. С. 109.
- ³¹ Там же. С. 109.
- ³² Там же. С. 111–112.
- ³³ Прот. Владислав Цыпин. История русской церкви. 1917–1997. М.: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. Кн. 9. С. 9–125, 29.
- ³⁴ Сорок Сороков. С. 368.
- ³⁵ «В годину гнева Божия...»: Послания, слова и речи св. Патриарха Тихона / Н. А. Кривошеева. М.: Православн. Свято-Тихонов. гуманитар. ун-т, 2009. С. 5.
- ³⁶ Сорок Сороков. С. 367.
- ³⁷ Сапожников С. Р. На перепутье мне явились... публицистическая сюита в трёх книгах. Третья книга. Единство несовместимых. Очерки, этюды, эскизы, зарисовки, штрихи к портретам. М., 2010.
- ³⁸ Сорок Сороков. С. 370.